

Евгений Толмачев

МИЛЛИОНЕР

Иван Завьялов был одним из немногих жителей деревни, кто учился в институте. Окончил он его или нет — сейчас никому не интересно. Главное — умеет телевизоры и холодильники ремонтировать. А остальное — мелочи. Выпивает, как сам выражается Ивахон (такое прозвище у Завьялова), от внутренней нереализации. Зимой обычно пьет недалеко от своего дома: боится упасть и замерзнуть. Летом — на зеленом обрыве у речки, тупо глядя на чужие поплавки. А чего ему не пить, не сидеть, если все идет, как положено.

— Недавно я в школе проводку поменял, — самодовольно говаривал Ивахон. — Так они мне миллион заплатили.

— Да ну?!

— Говорю тебе — миллион.

— А чего ж ты в резиновых сапогах ходишь, если почитаешь миллионер?

— Не дали.

— Дак ты сказал, что дали.

— Это в сумме. По пять тысяч ежемесячно выплачивают — сразу у них столько нет. Это же школа, а не банк.

— Заливаешь.

— Скоро буду на «Приоре» в магазин летать. И в костюме. Посмотришь тогда!

Жил Иван с матерью, которая уже несколько лет не вставала. Порой по пьянке он называл ее бабкой. Бывало, спрашивали у Ивахона:

— Как там бабка?

— Нормально, — отвечал с электрического столба Завьялов. — На печи лежит.

— Говорят, ты на ее матом ругаешься и дерешься, правда?

— Пошла ты! Мать для меня знаешь кто?! Дать бы тебе кулаком по голове, чтобы глаза повылазили, — кричал наверху Ивахон и сильнее впивался когтями в деревянный столб.

Тридцатого декабря отремонтировал Иван свой телевизор, чтобы президента и «Огонек» посмотреть. Тридцать первого прибрал в доме. Потом где-то напился, пришел домой, поспал. Чуть протрезвел и стал дожидаться Нового года.

— Мать, а ты знаешь, чей это год будет? — обратился он с вопросом в сторону печки.

— Как это? — спросила старуха.

— Год козла! Поняла? Это китайцы придумали, — пояснил Иван.

— Китайсы энти, как змеи, — негромко прокряхтела мать.

Иван посмеялся.

— Завтра пойду Петьку поздравлю с годом козла, — посмеиваясь, сказал он.

— Опять напьетесь, — тихо сказала старуха.

— Выходные, мать.

Старуха вздохнула. Спустя время Иван хлопнул стакан самогона, закусил вареной колбасой, постоял посреди комнаты, огляделся кругом: на телевизор, на окна, на спящую мать. И пошел варить картошку. За окнами становилось темно.

— Мать, ну ты президента будешь смотреть? — громко и весело прокричал Ивахон. — Поворачивайся к экрану!

— Буду. Президент наш, как соколик, кругом летать. Хучь спать он?

— А то не спит, спит, наверное. А так — как бы он работал!?

Потом они смотрели телевизор. Вдвоем. Температура в доме плюс девятнадцать, Новый год, настроение хорошее.

— Ты глянь, Ваньк, как артисты энти одеты, столы какие — все есть! — с дрожью в голосе изумилась мать, почему-то боязливо поглядывая на сына.

— А у нас что, плохо? — спросил Ивахон.

— Хорошо, Ваньк, хорошо.

Старуха вытирала глаза уголком платка.

— Ох, ты, Господи! — сказал Ивахон и побежал на кухню.

— На, мам, ешь, — говорил он, подавая матери на печку тарелку с картошкой и колбасой. — Хочешь — стакан налью! Выпей, живем один день!

— Не, я не буду пить. Я поем, сынок.

В этот момент Ивану так захотелось пожалеть мать, погладить ее по голове, но он застыдился самого себя — он давно не говорил ей ничего теплого.

— Мать вашу! — Ивахон осушил еще стакан, накинул бушлат и пошел на двор курить. Ему вдруг захотелось зажать вот так, как на экране, на всю катушку. И, пожалуй, впервые он чувствовал себя ничтожным.

Иван жадно втягивал табачный дым. Над его головой красно-оранжевым неприятным светом горела лампочка. Вокруг — морозная темнота. И вдруг ему стало страшно. Странное чувство, такое, как после кошмара, когда не можешь понять — где находишься, сон ли это или явь, напирало на выпившего Ивахона. Вот-вот и тьма поглотит его, а он даже не сможет стать у нее поперек глотки. Потом он почему-то вспомнил себя на утреннике в детском саду перед украшенной елкой. Чувство опоздавшего на поезд все накатывалось, как неприятный красно-оранжевый свет лампочки.

Первого и второго января автобусы в город не ходили. Утром третьего числа к Завьялову пришел сосед: нужно было провести свет в сарае.

— Нема его! — отозвалась с печки мать.

— А где он?

— У город поехал.

— Зачем?

— Кто его знает. Сто годов там не был — помча-ался...

На центральной площади города стояла высокая, празднично украшенная ель. Вокруг было пусто, бело, холодно.

— Наотмечались, спят все, — с иронией пробурчал Иван. — А елка хорошо украшена! Какая же она вечером?

В бушлате, оставшемся после службы в армии, стоял Ивахон возле елки, как лесник, а потом, покрутившись на площади еще минут пятнадцать, двинулся к автовокзалу. По пути ему встретились два мужика, которые с веселыми матерками усаживали пьяного вдрызг товарища в машину.

— Тоже пьют, — подумал Иван. И чувство вины перед матерью и перед собой отступило. Жизнь шла своим чередом.

